Э. В. Будаев

МЕТАФОРА В ПОЛИТИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ: ЭВРИСТИКИ СОВРЕМЕННЫХ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье рассматриваются основные направления сопоставительного изучения метафор в политических нарративах. На основе анализа современных исследований выделяются два основных аспекта сопоставления метафор в политических нарративах (диахроническое и синхроническое), обсуждаются эвристики синтеза подходов.

E. Budaev

METAPHOR IN A POLITICAL NARRATIVE: HEURISTICS OF CONTEMPORARY COMPARATIVE STUDIES

The article views basic trends in comparative research on metaphors in political narratives. The analysis based on contemporary studies distinguishes the two main approaches to investigation: synchronistic and diachronic ones. The heuristics of synthesis of both approaches are discussed.

Современная теория и практика когнитивного исследования политической метафоры восходит к классическому исследованию Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Metaphors We Live by»[1]. Как справедливо отмечает А. Н. Баранов, названная книга очень быстро была признана специалистами «библией когнитивного подхода к ме-

тафоре – своеобразным аналогом соссюровского «Курса общей лингвистики» в когнитивизме лингвистического извода»[2]. Вместе с тем отдельные положения названной теории со временем уточнялись и развивались (ср. теорию первичных и сложных метафор[3], когерентную модель метафоры[4], теорию блендинга[5], коннективную теорию метафорической интерпретации[6], дескрипторную теорию метафоры[7] и др.)

Значительная часть современных исследований концептуальной метафоры связана с когнитивно-дискурсивным подходом к анализу метафоры, при котором «усилия исследователя направляются прежде всего на то, чтобы выяснить, как и каким образом может удовлетворять изучаемое языковое явление и когнитивным, и дискурсивным требованиям»[8]. В первом случае имеются в виду связи «с внутренней, ментальной деятельностью человеческого сознания», а во втором – внимание сосредоточено на том, «как используется изучаемое явление в процессе общения людей». При когнитивно-дискурсивном подходе исследователь стремится выявить взаимосвязи между метафорами и факторами, которые обусловили их востребованность. В этом случае метафора воспринимается не как автономный феномен, а как естественная часть нарратива, который понимается как некоторое множество текстов, связанных с определенным политическим событием[9].

В настоящей статье на основе обзора современных исследований выделяются два основных аспекта сопоставления метафор в политических нарративах: диахроническое и синхроническое.

1. Диахроническое сопоставление.

При диахроническом сопоставлении на первый план выходит проблема хронологической устойчивости или изменчивости метафорических моделей в рамках определенного политического нарратива. Исследователь стремится показать контраст в метафорах (или отсутствие такового) в разные этапы развития определенной политической ситуации.

В этом отношении заслуживают внимания работы аналитика ЦРУ Р. Д. Андерсона, который занимался анализом советско-российских политических метафор в нарративе «Демократизация советского/российского общества»[10]. Р. Д. Андерсон исследовал частотность нескольких групп метафор, по которым можно судить о том, как коммунистическая элита соотносит себя с остальным населением СССР. Среди них метафоры размера (*большой, крупный, великий, широкий, титанический, гигантский, высокий* и т. п.), метафоры патернализма и субординации (*воспитание, задача, работник, строительство, образец*). Р. Д. Андерсон пришел к выводу, что частотность этих метафор уменьшалась по мере того, как население начинало самостоятельно выбирать представителей власти. В новых условиях на смену «вертикальным» метафорам пришли «горизонтальные» метафоры. Примерами последних могут служить такие метафоры, как *диалог* (в авторитарный период метафора использовалась только по отношению к международной политике), *спектр*, цветовые метафоры, ориентационные метафоры горизонтального расположения (*левые, правые, сторонники, противники*). К примеру, с появлением ориентационных метафор *левый* и *правый* у населения появилась свобода политического выбора, возможность «горизонтальной» самоидентификации с политиками тех или иных убеждений, что, по мнению исследователя, служит свидетельством демократизации общества. Основываясь на этих данных, Р. Д. Андерсон приходит к выводу, что характерные для дискурса авторитарного периода метафоры гигантомании и патернализма присущи монархическому и диктаторскому дискурсу вообще, в силу чего пространственные метафоры субординации можно считать универсальным индикатором недемократичности общества.

Р. Д. Андерсон исследовал ориентационные метафоры. Примером нарративного анализа структурных метафор может слу-

жить монография Збигнева Хейнтзе, в которой рассматриваются закономерности эволюции политических метафор в их связи с изменениями в польском обществе периода демократизации[11]. Как указывает З. Хейнтзе, накануне демократических преобразований в Польше отмечается резкая милитаризация языка коммунистической пропаганды. Множество метафор из военной сферы явилось реакцией коммунистической элиты на активизацию демократического движения, стало средством формирования образа коварного врага, с которым народ и коммунистическая партия должны вести войну. Метафоры войны не исчезли и после прихода к власти Л. Валенсы. Поляки продолжали свергать «последний бастион коммунизма», «захватывать позиции», предпринимать «тактические действия» и «торпедировать законопроекты», но уже не в такой степени, как раньше. Желание борьбы ослабло, а общество стремилось заменить все опустошающую войну на здоровое соперничество, чему в немалой степени способствовал переход к многопартийной системе.

Политическую систему в первые годы переходного периода З. Хейнтзе называет системой «многопартийной раздробленности». В те времена даже появился анекдот: «где два поляка – там три политические партии». Такое положение дел стало поводом для упорной борьбы, напоминающей о дарвинистской борьбе за существование, целью которой было попасть в парламент и удержаться в нем. Ситуация изменилась с введением 5%-ного барьера, что заставило партии объединяться и ограничило число политических объединений. Открытая враждебность и непримиримость пошли на убыль, и политики стали искать не врагов, а союзников, начали объединять силы и вспомнили о «компромиссе» и «консенсусе». Соответственно в политическом дискурсе этого периода отмечается преобладание метафор разумного соперничества, особенно метафор, связанных со спортом и игрой.

Еще одним примером диахронического сопоставления может служить исследование ирландских лингвистов[12]. Х. Келли-Холмс и В. О'Реган рассмотрели концептуальные метафоры в немецкой прессе как способ делегитимизации ирландских референдумов 2000 и 2001 гг. Как известно, в 2000 г. в Ницце было достигнуто соглашение об институциональных изменениях, необходимых для принятия новых стран в ЕС. Ирландия – единственная страна ЕС, в конституцию которой нужно было внести поправки, чтобы ратифицировать этот договор. Ирландское правительство считало вопрос решенным, однако ирландский народ проголосовал против изменения конституции на первом референдуме, что не замедлило отразиться в немецкой прессе. Недовольство тем фактом, что 3 млн ирландцев должны решать судьбу 75 млн новых членов ЕС, отображалось в немецкой прессе с помощью метафор дома и родства (*ирландцы хотят закрыть дверь перед двоюродными братьями и оставить их на пороге*), криминальных метафор (*ирландцы требуют выкуп за 12 стран*) и др. При рассмотрении подобных фактов следует учитывать, что до проведения референдума ирландско-немецкие отношения носили позитивный характер и даже метафорически представлялись как любовные отношения. Накануне второго референдума, который закончился положительным голосованием, в немецкой прессе активизировались негативные смыслы метафор из самых разнообразных сфер-источников: СЕМЬЯ (Германия/ЕС – *терпеливый родитель,* Ирландия – *непредсказуемый подросток*, *испорченный ребенок);* ШКОЛА (*ученика нужно наказать, Брюссель ставит Ирландии плохие отметки*); ДОМ (*Ирландия хочет разрушить дом*); БОЛЕЗНЬ (*Ирландия больна датской болезнью и может заразить Австрию* (датчане проголосовали против Маастрихтского договора в 1992 г.), ВОЙНА (*война за положительное голосование*) и др. Как показали исследователи, метафорическая концептуализация событий накла-

дывается на более общий уровень категоризации (оппозиционирования): МЫ (немцы) – честные, щедрые, альтруистичные, высокоморальные, тогда как ОНИ (ирландцы) – жадные, заблуждающиеся, неблагодарные, аморальные. На завершающем этапе нарратива постоянно противопоставлялись «хорошая старая Ирландия» и «плохая новая Ирландия».

Неудивительно, что важное место в диахронических исследованиях нарративов занимают методы статистического анализа. Так, К. де Ландсхеер и Д. Фертессен[13], сопоставив метафорику бельгийского предвыборного дискурса с метафорикой дискурса в периоды между выборами, обнаружили, что частотность метафор увеличивается в предвыборный период. Подобные факты, по мысли авторов, подтверждают тезис о важной роли метафоры в преодолении проблемных ситуаций.

Похожее исследование провел А. Н. Баранов, рассмотрев политические метафоры периода августовского кризиса 1998 г. на основе корпуса в 750000 словоупотреблений. Анализ показал, что индекс метафоричности политического дискурса начал расти в преддверии августовского кризиса.

Варьирование метафорики наводит исследователей на поиск прагматического содержания этого варьирования. Так, Д. Берхо[14] задает вопрос о причинах высокой популярности аргентинского президента Х. Д. Перона. Сопоставив метафорику аргентинской политической элиты, отражающую презрение высших слоев общества к основной массе населения, с метафорами идиолекта Х. Д. Перона, А. Берхо показывает, как регулярное развертывание метафоры Politics Is Work (Политика – это труд) в политическом дискурсе принесло ему огромную популярность среди миллионов работающих в тяжелых условиях аргентинцев.

Синхроническое сопоставление. В синхронических исследованиях политических нарративов ученые пытаются выявить различия в метафорическом осмыслении определенных событий в разных национальных, институциональных, культурных и других общностях. При таком подходе динамика метафорических изменений отходит на второй план, и выводы в большей степени относятся к статическому компоненту той или иной картины мира.

Так, чешский лингвист П. Друлак[15] проанализировал метафоры, которые использовали лидеры 28 европейских стран в дебатах о составе и структуре Европейского союза (период 2000–2003 гг.). Выделив концептуальные метафоры «самого абстрактного уровня» (КОНТЕЙНЕР, РАВНОВЕСИЕ КОНТЕЙНЕРОВ и др.), П. Друлак выявил, что лидеры стран ЕС предпочитают метафору КОНТЕЙНЕРА, а лидеры стран-кандидатов на вступление в ЕС – метафору РАВНОВЕСИЯ КОНТЕЙНЕРОВ. Другими словами, лидеры стран ЕС предпочитают наделять надгосударственное объединение чертами единого государства, а лидеры стран-кандидатов предпочитают видеть в ЕС сбалансированное объединение государств.

В работе финского исследователя М. Луома-ахо[16] на основе анализа западноевропейского дискурса коллективной безопасности показано, что дебаты на Межправительственной конференции 1990–1991 гг. представляли собой конфликт метафор «атлантистов» (сторонников США и членов НАТО) и «европеистов» (сторонников европейской самодостаточности). Если США и страны-члены НАТО видели в западно-европейском союзе *опору* атлантического альянса, то «европеисты» – *защищающую руку*. Органистические метафоры сторонников самодостаточности вступали в противоречие с архитектурными метафорами «атлантистов» и представляли европейское сообщество как независимый от НАТО политический субъект.

А. Мусолфф[17] сопоставил метафоры со сферой-источником ДОРОГА/ДВИЖЕНИЕ/СКОРОСТЬ в британской и немецкой прессе, освещающей политические процессы в Европейском союзе. Анализ

материала обнаружил различия в эксплуатации прагматических смыслов метафор немцами и британцами, которые используют потенциал сферы-источника для отображения различных взглядов на перспективы развития ЕС: британцы критикуют Германию за излишнюю поспешность, немцы метафорически порицают Великобританию за медлительность.

Детальный анализ метафор из сферы-источника «Дом/Строительство» как средства концептуализации Европы в российском и немецком газетном дискурсе 2000 г. проведен Й. Цинкеном[18]. Прежде всего, Й. Цинкен разделил рассматриваемые метафоры по сферам-источникам на две группы: «Здание» и «Строительство». Проанализировав первую группу, автор показал, что в российском дискурсе очень продуктивен фрейм «Структура здания»: для россиян важно определить, стоит ли Россия на *пороге* европейского дома или ее впустили в *прихожую*, *отгородились* ли европейцы от России или позволяют ей *обживаться* в европейском доме и т.п. В немецком дискурсе метафоры этого фрейма почти не используются, однако здесь продуктивны образы *порядка в доме*, *договора о найме помещения*, которые отсутствуют в российском дискурсе. Этот факт Й. Цинкен объясняет, в частности, тем, что в повседневной жизни россиян договор о найме – реалия относительно редкая и неактуальная.

Продуктивность и частотность метафор второй группы (сфера-источник «Строительство») в российском дискурсе значительно уступает аналогичным показателям в немецком дискурсе. Анализ метафор позволил смоделировать дискурсивно-специфичные (diskursspecifische), но устойчивые и согласованные с определенной культурой стереотипы (Abbildungsstereotypen). В концептуализации Европы выделяется три таких стереотипа – Европа институциональная, Европа культурная и Европа географическая. Если представление о Европе как о культурном феномене у россиян и немцев совпадает, то в отношении двух других стереотипов выявляются значительные расхождения. Для немецкого сознания «Европа – это Евросоюз и стройплощадка» (институциональный подход), а для российского сознания такое понимание феномена Европы представляется курьезной идеей. Российский стереотип «Европа – это дом, находящийся в чужой собственности» (географический подход); именно с этим стереотипом связаны попытки определить, относится ли Россия к Европе или нет, хотя географически Европа заканчивается на Урале.

Несколько иной подход Й. Цинкен использует для анализа метафорического представления европейской интеграции в немецком и польском газетном дискурсе 2000 г. Исследователь выделяет три общих схемы (близких образ-схемам М. Джонсона) для концептуализации интеграционного процесса. Схемы наполняются различными метафорами и в разной степени востребованы в немецком и польском дискурсах. Первая схема представляет Евросоюз как контейнер, для проникновения в который Польша должна приложить усилия. Схема наполняется метафорами пути и школы и востребована преимущественно в немецком газетном дискурсе. Вторая схема представляет Польшу как неподвижный объект, а ЕС как расширяющуюся субстанцию. Эта схема востребована противниками вступления Польши в ЕС (в немецком дискурсе открытых возражений против расширения ЕС автор не выявил). Польша метафорически представляется жертвой расширения, а будущее изображается посредством метафор рабства. Третья схема представляет Евросоюз и Польшу как два объекта, движущихся к контейнеру «Новая Европа». Эта схема реализуется в польском дискурсе, где доминируют позитивные метафоры совместного строительства евродома и создания семьи. Вместе с тем подобные образы нередко несут заметный заряд иронии. В одних случаях поляки представляются бедным родственниками, с которыми никакой добрый дядюшка не захочет

делиться своими сбережениями, а в других создается образ молодого бедного кавалера (Польша), который неудачно сватается к старой, но богатой даме (Евросоюз), не желающей объединять имущество и предпочитающей свободные связи.

Если учитывать, что роль метафор в политическом дискурсе возрастает в ситуации кризиса, то становится понятным особый интерес исследователей к нарративам военных действий. Одной из первых работ такого рода стала публикация Дж. Лакоффа, в которой показан контраст между американскими и иракскими метафорами в период первой войны в Ираке[19]. Впоследствии Дж. Лакофф обращался и к другим военным нарративам. Так, исследователь показал, что при осмыслении войны в Косово американские СМИ апеллировали к *Сказке о справедливой войне* (Милошевич – Злодей, албанцы – Жертва, США – Герой) и модели *Государство – это индивид*. В сознании сербского народа Косово – это исконно сербская, но завоеванная мусульманами территория, на которой к тому же расположены главные сербские святыни. С. Милошевич представил вытеснение албанцев из Косово посредством метафоры *Христианского Рыцаря*, идущего в *крестовый поход* ради возвращения сербам святой земли. По существу это еще одна (сербская) разновидность сказки о справедливой войне[20].

Сопоставление американских и сербских метафор в политическом нарративе «Война в Югославии» проведено словенским исследователем В. Кеннеди[21]. Автор указывает на то, что американские метафоры описывали войну в понятиях игры, бизнеса и «сказки о справедливой войне» (С. Милошевич – «злодей», албанцы – «невинная жертва», США – «герой»). Распределение ролей в сербской «сказке о справедливой войне» оказалось прямо противоположным. Примечательно, что сербы и американцы апеллировали к историческим событиям Второй мировой войны. Американские СМИ называли С. Милошевича *Адольфом Гитлером*, которого необходимо вовремя остановить, в то время как сербы использовали метафору НАТО – это *нацисты* (соответственно сербы должны выступить в качестве югославских партизан). Вместе с тем для каждого дискурса были характерны национально специфические метафоры. Как отмечает исследователь, понимание метафор во многом определяется фоновыми знаниями адресата. Например, апелляция сербских СМИ к *битве на Косовом поле* мало о чем говорила жителям США и Западной Европы, а связанное с историей США метафорическое выражение сенатора Б. Доула «Милошевич снова вышел на тропу войны» может по-разному восприниматься в американском обществе. Как отмечает В. Кеннеди, эта метафора содержит амбивалентные импликатуры (сильные и слабые импликатуры метафоры по К. Форсевиллю). Миф об американской кавалерии, укрощающей непослушных индейцев и привносящей порядок на дикий Запад, в 1990-е гг. сильно пошатнулся в результате деятельности общественно-правовых организаций и деятелей искусства, поэтому по представлениям части американцев укрощать необходимо американскую кавалерию.

Подобные сопоставительные синхронические исследования метафорики в нарративах широко представлены и в отечественной лингвистике[22].

Материалы конкретных публикаций показывают, что в современных политических условиях сложился своего рода интердискурс (термин Т.В. Шмелевой), поскольку современные политики и журналисты в различных странах Европы и Америки нередко используют очень похожие метафорические образы. Вместе с тем отечественные специалисты постоянно фиксируют и национальные особенности функционирования политических метафор. Например, в нарративе президентских выборов типичное для России осмысление президента и его приближенных в метафорах монархической власти совершенно нехарактерно

для США. В России и в Соединенных Штатах весьма распространены метафоры, образно представляющие политические выборы как футбольный матч, в котором каждая из команд стремится одержать победу. Однако в политическом дискурсе США источником метафор служит американский футбол, который лишь в некоторой степени напоминает игру, распространенную в России.

Важно отметить, что иногда ученые объединяют оба аспекта сопоставления в одном исследовании. В таком случае сопоставляются национальные особенности метафорического восприятия определенных событий, а затем прослеживается, как изменяются метафорические представления по мере развития событий в рамках исследуемого нарратива.

Так, А. Мусолфф[23] проследил «эволюцию» метафоры «ЕВРОПА – ЭТО ДОМ / СТРОЕНИЕ» в нарративе «Расширение ЕС» на материале английских и немецких газет. Автор выделил два периода в развитии метафоры дома. 1989–1997 гг. – это оптимистический период, когда *разрабатывались смелые архитектурные проекты, укреплялся фундамент*, *возводились столбы* и др. По мере роста противоречий в 1997–2001 гг. начинают доминировать скептические (*реконструкция*, *хаос на строительной площадке)* или пессимистические (*горящее здание без пожарного выхода*) метафоры. Оптимистический период характеризуется значительным сходством британских и немецких метафор. Сравнивая метафоры второго периода, автор отмечает, что немцы были склонны к актуализации оптимистических сценариев (*необходим более реалистичный взгляд на строительство*), в то время как англичане чаще отражали в метафоре дома пессимистические смыслы (немцы – *оккупанты евродома* или *рабочие*, считающие себя *архитекторами*).

В другой публикации А. Мусолфф[24] исследует метафору *сердце Европы* (*heart of Europe / herz Europas)* в статьях английской и немецкой прессы 1989–2001 гг. Как показывает исследователь, немцы предпочитают использовать метафору *сердце Европы* как ориентационную, что неудивительно, если учесть, что географически Германия находится в центре Европы. Британцы акцентируют внимание на функциональном значении сердца для человеческого организма (Евросоюза), поскольку по сравнению с Германией Великобритания относится к географической периферии Европы. А. Мусолфф, прослеживая хронологические изменения («эволюцию») в актуализации метафоры *heart of Europe* в английской прессе, показывает, что по мере усиления разногласий между Великобританией и ЕС в британской (но не в немецкой) прессе начинают доминировать метафоры болезни сердца. Подобные образы отражают скептическое отношение британцев к политике ЕС, сменившее оптимистические настроения начала 1990-х гг., когда акцентировалась значимость Великобритании в европейской политике.

Безусловно, акцент на том или ином аспекте исследования метафоры в политическом нарративе связан с целями, которые ставит ученый в каждом конкретном исследовании. Вместе с тем объединение обоих аспектов в рамках одного исследования возможно и желательно. Более того, такое объединение закономерно вытекает из программных постулатов когнитивно-дискурсивной парадигмы, развиваемой в отечественной лингвистике. В данной парадигме адекватный и полный анализ фактов связывается с экстралингвистическим «расширением» анализируемых факторов. Если метафора, с одной стороны, феномен мышления, играющий важную роль в осмыслении и преобразовании политической действительности, а с другой – коррелят дискурсивных факторов, то синтез синхронического и диахронического аспектов исследования политического нарратива предоставляет благоприятную возможность для реализации когнитивно-дискурсивных методологических эвристик.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Lakoff G.* Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 1980.

[2] *Баранов А. Н.* Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры: почти двадцать пять лет спустя / А. Н. Баранов // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 7–21.

[3] *Grady J.* Primitive and compound metaphors / J. Grady, S. Taub, S. Morgan // Conceptual structure, discourse and language / Ed. A. Goldberg. – Stanford, CA: Center for the study of Language and Information, 1996. – P. 177–187.

[4] *Spellman B.* A Coherence Model of Cognitive Consistency: Dynamics of Attitude Change During The Persian Gulf War / B. Spellman, J. Ullman, K. Holyoak // Journal of Social Issues. – 1993. – Vol. 49. – P. 147–165.

[5] *Fauconnier G.* Conceptual integration networks / G. Fauconnier, M. Turner // Cognitive Science. – 1998. – Vol. 22. – N 2. – P. 133–187.

[6] *Ritchie D.* "ARGUMENT IS WAR" – Or is it a Game of Chess? Multiple Meanings in the Analysis of Implicit Metaphors / D. Ritchie // Metaphor and Symbol. – 2003. – Vol. 18. – N 2. – P. 125–146; *Ritchie D.* Categories and Similarities: A Note on Circularity / D. Ritchie // Metaphor and Symbol. – 2003. – Vol. 18. – N 1. – P. 49–53; *Ritchie D.* Common Ground in Metaphor Theory: Continuing the Conversation / D. Ritchie // Metaphor and Symbol. – 2004. – Vol. 19. – N 3. – P. 233–244; *Ritchie D.* Metaphors in Conversational Context: Toward a Connectivity Theory of Metaphor Interpretation / D. Ritchie // Metaphor and Symbol. – 2004. – Vol. 19. – N 4. – P. 265–287.

[7] *Баранов А. Н.* Русская политическая метафора: Материалы к словарю / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М.: Институт русского языка АН СССР, 1991; *Баранов А. Н.* Словарь русских политических метафор / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М.: Помовский и партнеры, 1994; *Баранов А. Н.* Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга / А. Н. Баранов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://evartist.narod.ru/text12/09.htm (2003).

[8] *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова / Рос. академия наук; Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004.

[9] *Чудинов А. П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: УрГПУ, 2003.

[10] *Андерсон Р. Д.* Каузальная сила политической метафоры / Р. Д. Андерсон // Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. Современная политическая лингвистика. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2006. – С. 70–89.

[11] *Heintze Z.* Język polityki w okresie transformacji [Электронный ресурс]. – Режим доступа: jp.bigweb.pl/index.php (2001).

[12] *Kelly-Holmes H.* "The spoilt children of Europe ". German press coverage of the Nice Treaty referenda in Ireland / H. Kelly-Holmes, V. O'Regan // Journal of Language and Politics. – 2004. – Vol. 3. – N 1. – P. 81–116.

[13] *Vertessen D.* A Metaphorical Election Style? Patterns of Symbolic Language in Belgian Politics / D. Vertessen, C. De Landtsheer [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Vertessen.pdf (2005).

[14] *Berhó D. L.* Working Politics: Juan Domingo Perón's Creation of Positive Social Identity / D. L. Berhó // Rocky Mountain Review of Language and Literature. – 2000. – Vol. 54. – N 2. – P. 65–76.

[15] *Drulak P.* Motion, Container and Equilibrium: Metaphors in the Discourse about European Integration / P. Drulak // European Journal of International Relations. – 2006. – Vol. 12. – P. 499–531.

[16] *Luoma-aho M.* "Arm" versus "pillar": The politics of metaphors of the Western European Union at the 1990–91 Intergovernmental Conference on Political Union / M. Luoma-aho // Journal of European Public Policy. – 2004. – Vol. 11. – N 1. – P. 106–127.

[17] *Musolff A.* The Metaphorisation of European Politics: Movement on the Road to Europe / A. Musolff // Attitudes towards Europe. Language in the Unification Process / Eds. A. Musolff, C. Good, P. Points, R. Wittlinger. – Aldershot: Ashgate, 2001. – P. 179–200.

[18] *Zinken J.* Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition: Dissertation zur Erlangung der Wurde eines Doktors im Fach Linguistik / Zinken Jorg. – Bielefeld: Universität Bielefeld, 2002.

[19] *Lakoff G.* Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf [Электронный ресурс]. – Режим доступа: metaphor.uoregon.edu/lakoff-l.htm (1991).

[20] *Lakoff G.* Metaphorical Thought in Foreign Policy. Why Strategic Framing Matters [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.frameworksinstitute.org/ products/metaphoricalthought.pdf (2001).

[21] *Kennedy V.* Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo / V. Kennedy // Metaphor and Symbol. – 2000. – Vol. 15. – N 4. – P. 252–265.

[22] *Каслова А. А.* Метафорическое моделирование в политическом нарративе «Федеральные выборы» в США и России (2000 г.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2003; *Санцевич Н. А.* Моделирование вариативности языковой картины мира на основе двуязычного корпуса публицистических текстов (метафоры и семантические оппозиции): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2004; *Стрельников А. М.* Метафорическая оценка политического лидера в дискурсе кампаний по выборам президента в США и России: Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005; *Телешева И. В.* Политическая ситуация как сфера-магнит для морбиальной метафоры в российских и американских СМИ / И. В. Телешева // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Т. 14. – Екатеринбург, 2004. – С. 97–107; *Чернякова М. В.* Манипулятивный потенциал концептуальной метафоры в российском и американском политическом нарративе, посвященном войне в Ираке 2003–2004 гг.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2007.

[23] *Musolff A.* Political Imagery of Europe: A House Without Exit Doors? / A. Musolff // Journal of Multilingual and Multicultural Development. – 2000. – Vol. 21. – N 3. – P. 216–229.

[24] Musolff A. Metaphor and conceptual evolution / A. Musolff // Metaphorik.de. – 2004. – N 7. – P. 55–75.